

ЖНЕЦ

— Книга третья: —
Пока камень поёт

«Тут чай. Значит, всё нормально»

Adam Vains

**ЖНЕЦ Книга третья: Пока
камень поёт «Тут чай.
Значит, всё нормально»**

«Автор»

2026

Vains A.

ЖНЕЦ Книга третья: Пока камень поёт «Тут чай. Значит, всё нормально» / А. Vains — «Автор», 2026

Год после победы над Моросом Жнец живёт как обычный человек: будильник, кружка с котиком, сын Миша, рисующий окна вместо машинок. Трость молчит — но не от покоя, а от ожидания. Пять знаков приходят один за другим: фонари перестают моргать, лампочка загорается синим, Миша рисует тень с жёлтой точкой внутри, на стекле появляется надпись «Не надо». Враг третьей книги — не чудовище. Враг — забота. Резчик возвращается не с ножом — с теплом. Он строит тишину как дом и приглашает войти. Люди ложатся не от слабости — от усталости. И от милосердия, которое усыпляет, нет щита. Трость ведёт Жнеца в деревню Приречная, где под мельницей гудит камень. Деревня держит мир не силой — голосом. Жнец учится тому, чего не умел сто тридцать лет: слушать. И понимает — мир держится не на героях, а на тех, кто каждое утро встаёт, наливает чай и говорит: «Нормально». Он оставляет трость у камня — и возвращается в город. Без трости. Без нитей. Только голос. Потому что трость — одна, а голос — у каждого.

© Vains A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЖНЕЦ, КОТОРЫЙ ЗАДАВАЛ ВОПРОСЫ	5
Книга третья: Пока камень поёт	5
Мост. Пока чай горячий	6
IV	9
VI	10
VII	11
Часть первая. Пробуждение	12
Глава 1. Утро, которое не повторяется	12
Глава 2. Трость молчит иначе	14
Глава 3. Ворон приносит тетрадь	15
Глава 4. Резец на столе	17
Глава 5. Марина звонит	19
Глава 6. Миша и тень	21
Глава 7. Александр моет окно	23
Глава 8. Лёша находит новый фонарь	24
Глава 9. Нина знает	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Adam Vains
ЖНЕЦ Книга третья: Пока камень
поёт «Тут чай. Значит, всё нормально»
ЖНЕЦ, КОТОРЫЙ ЗАДАВАЛ ВОПРОСЫ

Книга третья: Пока камень поёт

Автор: Adam Vains

«Двести лет я искал ответ. Записывал вопросы в тетради, оставлял последнюю страницу пустой, потому что ответ менялся каждый день. А потом я оказался в месте, где никто не искал ответов. Где просто пекли хлеб, вырезали знаки и пели камню. И я понял: ответ не в тетрадях. Ответ в том, что кто-то продолжает. Не я — кто-то. Эта книга — про то, как я перестал искать и начал слышать. И про то, как ушёл, зная: то, что я оставил, будет найдено. Не мной — кем-то. И этого достаточно».

—

Adam Vains

Посвящается всем, кто оставил что-то на месте — и ушёл, зная, что это найдут.

Мост. Пока чай горячий

«Год после Мороса был годом. Не тихим, не громким. Годом. Я жил — не как раньше, не в тених и не в гуле. Жил как человек, у которого есть будильник, кружка, сын, жена и булочка у Александра на завтрак. И каждое утро я брал кружку — белую, с рыжим котиком, с надписью, которую я знал лучше, чем собственное имя: «Тут чай. Значит, всё нормально». Один ус у котика стёрся от стирки.

Второй держался. Я думал: пока один ус горит — котик жив.»

— Из третьей тетради Жнеца, запись I

I

Год после Мороса был — годом.

Не тихим, не громким. Годом. Сменялись сезоны: зима — мокрый снег, ветер с Невы, Миша болел дважды, Нина варила куриный бульон и ругалась, что Жнец не ест лук. Весна — апрельское солнце, которое в Питере светит так ярко, будто кто-то наконец протёр витрину. Александр открыл окно в магазине и не закрывал до июня. Лёша закончил вторую тетрадь — все сорок восемь листов исписаны фонарями, адресами, жёлтыми кружками — и попросил у Александра новую. Лето — короткое, жаркое, непривычное. Марина загорала на балконе. Ворон приходил раз в месяц, приносил сводки, пил чай, уходил. Трость гудела ровно — фоном, как холодильник, к которому привыкаешь.

Жнец жил.

Жил — не как раньше, не в тених и не в гуле. Жил как человек, у которого есть будильник, кружка, сын, жена и булочка у Александра на завтрак. Каждое утро — одно и то же: просыпаться, слышать чайник, идти на кухню, брать кружку — белую, с

рыжим котиком, с надписью, которую он знал лучше, чем собственное имя. «Тут чай. Значит, всё нормально». Один ус у котика стёрся от стирки. Второй держался. Жнец думал: пока один ус горит — котик жив.

Он не видел нитей. Не хотел видеть. Трость гудела, но он не слушал — не потому что боялся, а потому что гул был ровным. Ничего не рвалось. Ничего не серело. Город был — город. Фонари горели, люди говорили «спасибо», Нина Павловна покупала батон и кефир и не забывала, зачем.

Резчик не появлялся. Ворон говорил: «Он ушёл. Не знаю куда. Может, лёг. Может, нашёл свой способ». Жнец не спрашивал. Резчик был — частью прошлого. Как Морос. Как серость. Как «не надо», которое шептало из углов. Всё это было — и прошло. Не навсегда. Но — прошло.

Заметка на полях

Год после Мороса — это не сюжет. Это — пауза. Пауза, в которой герой учится жить без врага. Это труднее, чем жить с врагом, потому что с врагом ты знаешь, кто ты. Без врага — ты просто человек с кружкой. И этого — достаточно. И этого — страшно.

— Adam Vains

II

Первый знак пришёл осенью.

Сентябрь. Миша пошёл в первый класс. Рюкзак — больше него, но он не жаловался, потому что в рюкзаке лежал блокнот и три карандаша, а этого было достаточно, чтобы мир не рассыпался. Миша рисовал на переменах — не девочек и не машинки. Рисовал окна. Квадратные, с занавесками, со светом внутри. Как будто собирал окна, как Лёша собирал фонари.

Жнец провожал его до школы. Утро. Синее петербургское небо, которое бывает синим только на рассвете. Фонари горели — все. Жнец не считал, Лёша считал, но Жнец видел: горели.

У школы Миша остановился. Повернулся.

— Пап, — сказал он. — А что будет, когда чай остынет?

— Какой чай?

— В кружке. Наш. «Тут чай, значит, всё нормально». А если чай остынет — тогда что?

Жнец посмотрел на него. Миша — семь лет, рюкзак больше него, волосы торчком, карандаш в руке — уже рисовал, стоя у входа в школу. Не дожидаясь ответа. Просто спросил — и рисовал.

— Тогда нальём новый, — сказал Жнец.

Миша кивнул. Принял, как принимают конфету. И ушёл — в школу, в рюкзаке, в карандашах.

Жнец стоял. Трость в руке — молчала. Не гудела. Не вибрировала. Молчала. И в этом молчании было не покой и не усталость. Было — другое. Как будто трость услышала вопрос Миши и задумалась.

«Что будет, когда чай остынет?»

Жнец не подумал об этом. Не тогда. Тогда — просто пошёл к Александру за булочкой. Но вопрос остался — как капля на дне кружки, которая не высыхает, а ждёт.

Врезка от автора

Миша — единственный персонаж, который задаёт вопросы не потому, что ищет ответ. Он задаёт вопросы потому, что видит. Он видит мир не как нити, не как звуки, не как знаки. Он видит мир как отношения. Кружка и солнце связаны. Если чай горячий — солнце светит. Это не метафора. Для Миши — это закон физики. И он прав. Потому что мир, в котором кружка и солнце связаны, — крепче мира, в котором они не связаны. Даже если физика против.

— Adam Vains

III

Второй знак пришёл зимой.

Декабрь. Питерский декабрь — не месяц, а состояние. Серое небо, серый асфальт, серые лица. Фонари горели, но свет их был жёлтым, тёплым, единственным цветом в городе, где всё остальное было серым.

Лёша пришёл к Александру не за булочкой — за тетрадкой. Третьей. Александр обещал купить в канцтоварах.

— Лёш, — сказал Александр, протягивая новую тетрадку. С обложкой. Нормальной, не детской. — Ты в порядке?

— В порядке, — ответил Лёша. — А что?

— Ты не считал сегодня.

— Не считал что?

— Фонари. Ты всегда считаешь, когда идёшь. Сегодня — не считал.

Лёша замер. Посмотрел на тетрадку. Потом — на Александра. Потом — на улицу, где горели фонари. Все. Ровно.

— Я посчитал, — тихо сказал Лёша. — Все горят. Но они не моргают. Раньше — моргали. №23 моргал — три вспышки, пауза. №7 мигал, когда ветер с Невы. №15 гас на секунду, когда мороз. А теперь — все горят ровно. Как нарисованные.

— Ну и хорошо, — сказал Александр. — Раз все горят — зачем считать?

— Затем, — ответил Лёша, и в его голосе было что-то, чего Александр не слышал раньше: не страх — тревога. — Что когда всё идеально — что-то не так. Фонари живые. Они моргают. Они дышат. А когда не моргают — значит, не дышат.

Он открыл новую тетрадку. Первая запись: «Все фонари горят ровно. Ни один не моргает. Это не нормально».

Заметка на полях

Лёша — единственный, кто заметил. Не Жнец, не Ворон, не трость. Лёша. Мальчик, который считал фонари. Он знал: живое — дышит. А дыхание — это неровность. Ровность — это смерть. Когда фонари перестали моргать, он понял: что-то дышало — и перестало. Или: что-то пришло и выровняло дыхание за них. И то, и другое — плохо.

—

Adam Vains

IV

Третий знак пришёл в январе.

Марина позвонила в два часа ночи. Не Жнецу — Александру. Александр — Жнецу.

— Она говорит, что лампочка в коридоре горит, — сказал Александр. Тихо, в трубку, потому что Нина спала. — Горит и не перегорает. Третий день. Не выключается. И горит не жёлтым.

— А каким?

— Не говорит. Говорит — приезжай.

Жнец приехал. Марина открыла дверь. Халат, мокрые волосы, глаза — круглые, не от страха — от непонимания. Лампочка в коридоре горела. Синим. Не холодным — тёплым. Как зимнее небо на закате.

Жнец посмотрел. Трость — молчала. Не гудела, не дрожала. Полностью молчала. Как будто не видела в этом угрозы. Но и не видела нормальности.

— Она не злая, — сказал Жнец.

— А какой?

— Не знаю. Не было такого раньше. Морос — серый. Резчик — пустой. А синий... Синий — это цвет глубины. Кто-то не нападает. Кто-то зовёт.

Марина не выключила лампочку. Они пили чай. Жнец — из своей кружки, которую привёз с собой. Белой, с котиком. «Тут чай. Значит, всё нормально».

Цитата автора

«Синий — не цвет тревоги. Синий — цвет глубины. Когда лампочка горит синим, она не предупреждает — она зовёт. Вопрос не „что это“. Вопрос — „куда“. И ответ — не в городе. Ответ — там, откуда синий.»

— Adam Vains, из заметок к третьей книге

V

Четвёртый знак пришёл в феврале.

Миша нарисовал тень. Не свою — чужую. Тень, которая стояла у двери ночью.

— Тень звучит, — объяснил Миша. — Как пауза. Как когда ты говоришь и замолкаешь.

Тень — это замолкший человек.

И внутри тени — точка. Жёлтая. Маленькая.

— Это не тень, — сказал Миша. — Это он. Внутри тени. Он прячется. Как в пальто.

А за тенью — свет. Белый. Но прошедший через тень, он становился синим.

Заметка на полях

Миша рисует то, что другие не видят. Не потому что одарённый — потому что не знает, что нельзя видеть. Дети не знают границ. Границы — это привилегия взрослых. Миша рисует тень с жёлтой точкой внутри — и это не фантазия. Это — диагноз. Тень, внутри которой горит свет, — это не враг. Это — кто-то, кто прячет свой свет, потому что не знает, можно ли его показать. И это — самый точный портрет того, что идёт.

—

Adam Vains

VI

Пятый знак пришёл в марте.

Александр протирает витрину — каждое утро, как всегда — и увидел на стекле, с внутренней стороны, надпись. Мелкие, едва заметные буквы, как будто кто-то написал пальцем, смоченным в чём-то, что высохло и стало матовым.

«Не надо».

Два слова. Те самые. Те, что шептал Морос.

— Надо, — сказал Александр. Тихо, но твёрдо. Протёр стекло. Буквы тускнели. Не исчезали — тускнели. К семи утра — стёрлись.

Но Александр запомнил. И позвонил Жнецу.

Врезка от автора

«Не надо» — это два слова, которые звучат как забота. Как голос матери, которая говорит: «Не надо, отдохни. Не надо, ложись. Не надо, вставай — полежи». Это самые тёплые слова в мире. И самые опасные. Потому что за ними — не забота. За ними — тишина. Тишина, которая приходит не снаружи, а изнутри. Не забирает звук — убивает желание звучать. «Не надо» — это не приказ. Это — предложение. И от него труднее отказаться, чем от приказа. — Adam Vains

VII

Жнец сидел на кухне. Ночь. Нина спала. Миша спал. Будильник тикал. Четыре звука. Всё на месте.

Пять.

Он достал трость. Положил на стол. Смотрел. Она молчала. Не как после Мороса — тогда она молчала от усталости. Не как в спокойные месяцы — тогда она молчала от покоя. Сейчас — от ожидания. Как собака, которая слышит шаги за дверью, но не лает. Сидит. Смотрит на дверь. Ждёт.

Он достал тетрадь. Ту, которую принёс Ворон. Старую, сто двадцать лет. Открыл последнюю страницу. Его почерк — молодой, острый, с нажимом:

«Если смерть — это тишина, то что такое жизнь?»

И ниже — не его. Круглый, детский, с завитушками:

«Жизнь — это звук. Любой. Даже скрип третьей доски.»

Кто это написал? Когда? Тетрадь лежала в архиве гильдии сто двадцать лет. Миша не родился. Нина не родилась. Кто?

Жнец закрыл тетрадь. Посмотрел на кружку — белую, с котиком, с «нормально». Потом — на окно, за которым Питер дышал серым мартом. Потом — на трость, которая молчала ожиданием.

И подумал: Морос пришёл с тишиной. Резчик — с ножом. А теперь — синий свет, тень у двери, фонари, которые не моргают, и «не надо» на стекле. Не тишина. Не нож. Что-то другое. Что-то, что не нападает — зовёт. Что-то, что не гасит — меняет цвет.

Чай в кружке остыл. Не сразу — постепенно. Жнец смотрел, как пар поднимается всё реже, всё тише. Котик на кружке смотрел одним усом. Второй — стёрся.

«Что будет, когда чай остынет?»

Вопрос Миши. Сентябрь. Рюкзак, больше него. Карандаш в руке.

Жнец встал. Налил новый чай. Горячий. Крепкий. Чуть горьковатый.

— Нормально, — тихо сказал он. Кружке. Котику. Трости. Себе.

Трость молчала. Но Жнец знал: молчит — не значит согласна. Молчит — значит слушает. Слушает то, что он пока не слышит. То, что ждёт за углом. Не враг — гость. Не опасность — вопрос.

Новый вопрос. Третий. После Мороса и Резчика. И этот вопрос — синий.

Заметка на полях

Пять знаков. Пять капель. Фонарь, лампочка, тень, «не надо», вопрос ребёнка. Каждый — маленький, бытовой, незаметный. Ни один не похож на катастрофу. И именно поэтому — каждый важнее катастрофы. Катастрофу видно. Катастрофу можно встретить. А каплю — нельзя. Капля проходит мимо. И только когда наберётся достаточно капель — ты замечаешь: пол мокрый. И не знаешь, когда начался дождь.

—

Adam Vains

«Пять знаков. Пять вопросов без вопроса. Пять капель, из которых сложился дождь. И дождь этот — не серый, как Морос. И не пустой, как Резчик. Дождь — синий. Цвет глубины. Цвет зовущего. Цвет того, кто не приходит — стоит и ждёт, пока ты сам не выйдешь.» — Из третьей тетради Жнеца, запись 7

Часть первая. Пробуждение

Глава 1. Утро, которое не повторяется

«Просыпаешься — и первое, что слышишь, не тишина, а чайник. Это значит, что мир жив.»

— Из третьей тетради Жнеца, запись 8

Просыпаешься — и первое, что слышишь, не тишина, а чайник. Это значит, что мир жив. Жнец открыл глаза. Потолок. Белый, с трещиной в углу, которая не выросла и не исчезла — просто была, как родинка, к которой привыкаешь. Будильник на полке тикал. Шесть двенадцать. Нина на кухне гремела чашками. Миша сопел в соседней комнате — прибежал ночью, потому что приснился плохой сон. Или хороший. Жнец не спрашивал. Миша сам расскажет, когда захочет. Или нарисует.

Он лежал и слушал. Чайник. Чашки. Сопение. Тиканье. Четыре звука. Раньше он считал звуки как нити — каждый был точкой на карте мира. Теперь считал как человек, который утром просыпается и хочет знать: всё ли на месте?

Трость стояла у стены. Чёрная, грабовая, с набалдашником, отполированным до тёплого блеска. Она молчала. Не гудела. Не вибрировала. Просто стояла — как зонтик у двери, как ключи на полке. Вещь, которая есть, и ты не думаешь о ней, пока не нужен дождь или не нужно открыть дверь.

Но Жнец знал: молчит — не значит молчит. Трость умела молчать по-разному. Бывала тишина усталости — после боя, после Мороса, когда гул уходил, как вода в песок. Бывала тишина покоя — редкая, незнакомая, как солнце в ноябре. А бывала тишина ожидания. Когда трость не гудит, потому что ждёт. Не опасность — другого. Чего-то, что ещё не пришло, но уже стояло за углом, как человек, который постучал, но не вошёл.

Сегодня трость молчала ожиданием.

Жнец встал. Ноги коснулись пола — холодного, деревянного, со скрипом третьей доски. Этот скрип был его утром. Как у Нэсс — запах муки. Как у Александра — скрип колокольчика. Как у Лёши — шуршание тетрадки. Каждый держался за свой звук, и звук держал его.

Он прошёл на кухню. Нина стояла у плиты, в его футболке, босиком, волосы собраны в хвост, который получался кривым, потому что она закалывала его не глядя. Чайник шумел — не кипел, а шумел, набирая тепло. Это был его любимый звук:

предвкушение кипения. Когда вода ещё не сказала «я готова», но уже знает, что скоро скажет.

— Доброе утро, — сказал Жнец.

Нина обернулась. Не улыбнулась — кивнула. Кивок был её «доброе утро». Тёплый, быстрый, как прикосновение к плечу, когда не нужно слов.

— Чай? — спросила она.

— Чай, — ответил он.

Она налила. Кружка — белая, с рыжим котиком, с надписью, которую он знал лучше, чем собственное имя: «Тут чай. Значит, всё нормально». Котик был полустёртым — один ус исчез от стирки, второй держался. Жнец подумал: котик — как фонарь. Пока один ус горит — котик жив.

Миша приплыл на кухню — в трусах и отцовской футболке, которая волочилась по полу. Волосы торчали, как подсолнухи после ветра. Он сел на пол, достал из-под стола карандаш и блокнот.

— Что рисуешь? — спросил Жнец.

— Окно, — ответил Миша, не поднимая головы.

— Какое окно?

— Наше. С кухни. Только снаружи. Как если бы мы стояли на улице и смотрели внутрь.

Жнец не переспрашивал. Миша рисовал так, как чувствовал — не предметы, а отношения между ними. Солнце на тонких ножках. Чайник с каплей. Окно, которое видно снаружи. Он рисовал не мир, а взгляд на мир. И в этом была правда, которой не было в тетрадах Жнеца.

Миша поднял голову от рисунка. Окно на бумаге было квадратным, с занавеской — кривой, но занавеской. А за окном — не двор, не дома, не серое небо. А свет. Просто свет. Ровный, жёлтый, без источника.

— Пап, — сказал Миша. — А если окно смотрит наружу, кто смотрит внутрь?

Жнец остановился в дверях. Трость в руке. Куртка на вешалке. Кружка на столе — белая, с котиком, с «нормально».

— Не знаю, — честно ответил он. — Но я думаю — это один и тот же человек. Просто в разное время дня.

Миша кивнул. Принял ответ, как принимают конфету — не проверяя, просто потому что он был сладким и настоящим. И снова уткнулся в рисунок.

Жнец вышел. Утро было синим. Питерское небо в сентябре бывает синим только на рассвете, а потом становится белёсым. Но сейчас — синее. И фонари горели. Все.

Трость молчала. Но Жнец шёл и слушал. Не трость — город. Шум машин. Ветер.

Голоса. Шаги. Звуки сплетались, как нити, но он не видел нитей. Не хотел видеть. Хотел слышать. Это было проще. Меньше. И — достаточно.

Заметка на полях

Четыре звука утра: чайник, чашки, сопение, тиканье. Жнец считает их не как жнец — как отец. Не как страж — как человек, который хочет знать: всё ли на месте? Это — главное изменение третьей книги. Он перестал быть Жнецом. Стал — отцом. И именно поэтому сможет стать Жнецом снова — но другим. Не тем, который видит нити. Тем, который слышит звуки.

—

Adam Vains

Глава 2. Трость молчит иначе

«Трость умела молчать по-разному. Бывала тишина усталости. Бывала тишина покоя. А бывала тишина ожидания. Сегодня молчала ожиданием.»

— Из третьей тетради Жнеца, запись 9

Трость молчала три недели. Не гудела, не вибрировала, не дрожала. Просто стояла у стены или лежала в руке, и в ней не было ничего, кроме веса и тепла дерева.

После Мороса трость молчала часто. Первые месяцы — постоянно. Жнец относил это на счёт усталости: и своей, и её. Они оба выгорели. Он — потому что держал мир кружкой чая, а это, оказывается, не легче, чем держать его косой. Она — потому что гудела сто тридцать лет без перерыва, и даже дерево устаёт.

Но потом трость загудела снова. Тихо, ровно, как мотор, который прогрелся. Она гудела, когда Жнец шёл мимо фонарей, когда останавливался у скамейки, когда слушал, как Миша рисует. Гудела, и Жнец думал: всё нормально. Она работает. Она слушает.

А потом замолчала. И молчание было другим.

Жнец стоял у магазина, ждал, пока Александр откроет, и держал трость в руке. Она была тёплой — от солнца, от ладони, от чего-то ещё. Тёплой, но тихой. И в этой тишине было не отсутствие, а присутствие. Как будто трость не молчала, а прислушивалась. Не к городу — к чему-то другому. Далёкому. За городом, за полями, за лесом. К чему-то, что Жнец не слышал, но трость — слышала.

Колокольчик звякнул. Александр открыл дверь.

— Доброе утро. Булочка?

— Булочка, — кивнул Жнец. — И чай.

Он сел у окна. Здесь было его место. Столик у стекла, за которым мир был виден чётко, потому что Александр мыл стекло каждый вечер, и от этого мир становился чуть ближе.

— Саша, — Жнец понизил голос. — Тебе не кажется, что что-то изменилось?

Александр налил чай в кружку с котиком. Поставил перед Жнецом. Подумал.

— В смысле — в мире?

— В смысле — в тишине. Она другая. Не давит. Не серая. Но... есть.

Александр посмотрел в окно. Улица была обычной: машины, люди, деревья с желтеющими листьями. Фонари горели. Небо — белёсое. Всё как всегда.

— Может, просто осень? — предположил Александр.

— Может, — согласился Жнец. И не поверил.

Потому что трость в его руке дрогнула. Один раз. Не загудела — дрогнула. Как человек, который услышал шаги за спиной. Овернулся. И никого не нашёл. Но шаги — были.

Заметка на полях

Трость — не оружие. Трость — не инструмент. Трость — собеседник. Она умеет молчать, умеет гудеть, умеет дрожать. Но главное — она умеет слушать. И когда она молчит ожиданием, это значит: она слышит то, чего не слышит Жнец. Она — его уши там, куда он ещё не дошёл. И в этом — вся разница между второй и третьей книгой. Во второй трость гудела — предупреждала. В третьей — молчит — зовёт.

—

Глава 3. Ворон приносит тетрадь

«Ворон всегда приходил в магазин или на скамейку. Дом — был дом. Линия, которую Ворон не переступал. Но сегодня он стоял на пороге. Мокрый. И держал тетрадь.»

— Из третьей тетради Жнеца, запись 10

Ворон пришёл вечером. Не в магазин — домой. К Жнецу. Это было непривычно: Ворон всегда приходил в магазин или на скамейку. Дом — был дом. Линия, которую Ворон не переступал.

Но сегодня он стоял на пороге квартиры Жнеца. Мокрый — дождь лил с обеда, мелкий, холодный, петербургский, от которого не спасает зонт. Ворон не держал зонт. Он держал тетрадь. Не папку, не свёрток — тетрадь. Старую, в кожаной обложке, с потёртыми краями.

Жнец открыл дверь. Увидел Ворона — и понял: что-то изменилось.

— Войди, — сказал Жнец.

Ворон шагнул. Встал на коврик. Снял мокрые ботинки — аккуратно, носком вниз, как ставят книги на полку. Положил тетрадь на тумбочку в коридоре. Не протянул — положил. Как будто тетрадь была слишком тяжёлой, чтобы держать её на весу.

— Это? — спросил Жнец.

— Твоя, — ответил Ворон. — Я нашёл её в архиве. Третья тетрадь. Та, которую ты считал потерянной.

Жнец посмотрел на тетрадь. Кожаная обложка, знакомая на ощупь — он делал её сам, из обрывков, сто двадцать лет назад. Тогда он был молод. Молод для Жнеца — сто тридцать. Тогда он ещё верил, что вопросы ведут к ответам.

— Почему сейчас? — спросил он.

— Потому что тебе нужна. — Ворон помолчал. — Не для памяти. Для вопроса. Там, на последней странице, ты написал вопрос, на который не ответил. Я не читал. Но я знаю, что он есть. Потому что ты всегда оставлял последний вопрос на последней странице.

Жнец взял тетрадь. Она была тёплой — не от Ворона, не от дождя. От чего-то другого. От времени, может быть. Или от того, что внутри неё ждало сто двадцать лет, чтобы его открыли.

— Спасибо, — тихо сказал он.

Ворон кивнул. Постоял ещё секунду на коврике. Потом — как будто решился — сказал: — Он возвращается.

— Кто?

— Резчик. — Ворон сглотнул. — Только теперь он не режет. Он... строит.

— Строит что?

— Тишину. Но не как Морос. Не давлением. Он строит её как дом. Со стенами. С крышей. С дверью. И приглашает войти. Не насильно — приглашает. Говорит: «Тут тепло. Тут тихо. Ложись». И люди ложатся. Не потому что слабые — потому что устали. Он не враг. Он — гостеприимный хозяин. И это хуже.

Жнец молчал. Трость у стены дрогнула — не загудела, не завибрировала. Дрогнула. Как человек, который услышал шаги за спиной.

— Есть деревня, — продолжил Ворон. — Приречная. На краю леса, у реки. Там — трещина. И там — камень. Камень держит. Но камень один. А трещина растёт. В архивах написано: «Деревня держит голосом». Не косой, не балансом. Голосом.

— Откуда ты знаешь?

— Из архивов. Из тех, которые гильдия прячет. Там записано: тридцать семь точек, где мир рвётся. Город — одна. Деревня — другая. Остальные — кто знает. Но деревня... В архивах написано: «Деревня держит голосом».

Жнец посмотрел на Ворона. Ворон смотрел в пол. Не прятал глаза — собирался.

— Иди туда, — сказал Ворон. — Не потому что должен. Потому что трость ведёт. Она молчит не от усталости. Она молчит, потому что слушает. Слушает тот камень. И хочет, чтобы ты слышал тоже.

Ворон надел ботинки — мокрые, холодные, но свои. И ушёл.

Жнец остался в коридоре. В одной руке — трость. В другой — тетрадь. Сто двадцать лет ожидания между пальцами.

Он открыл последнюю страницу. Там, его почерком — молодым, острым, с нажимом — был написан один вопрос:

«Если смерть — это тишина, то что такое жизнь?»

И ниже — пусто. Чистая страница. Как во всех его тетрадях. Последний вопрос и пустая страница, на которую он никогда не писал ответ, потому что ответ менялся каждый день.

Но сегодня он увидел кое-что другое. На странице ниже пустой — ещё одна запись. Не его почерком. Круглым, детским, с завитушками. Как будто кто-то открыл тетрадь, нашёл пустую страницу и написал:

«Жизнь — это звук. Любой. Даже скрип третьей доски.»

Жнец закрыл тетрадь. Посмотрел на коридор. На дверь, за которой Нина мыла посуду. На стену, у которой стояла трость. На коврик, с которого ушёл Ворон.

Кто дописал? Когда? Не он — почерк не его. Не Ворон — почерк детский. Миша не родился сто двадцать лет назад.

Трость загудела. Тихо. Не тревожно. Просительно. Как будто сказала: не «кто». А «куда».

Врезка от автора

Тетрадь — главный предмет третьей книги. Не трость, не кружка, не резец — тетрадь. Потому что тетрадь — единственное, что переживает хозяина. Трость гниёт. Кружка бьётся. Резец тупится. А тетрадь — лежит. Ждёт. И кто-то находит. И читает. И продолжает. И в этом — бессмертие. Не личное — мировое. Пока кто-то пишет — мир не кончается.

—

Adam Vains

Глава 4. Резец на столе

«На лезвии резца были имена. Не выгравированные — вросшие в металл, как память в камень.»

— Из третьей тетради Жнеца, запись 11

Жнец рассматривал резец. Тот самый, который нашли у Александра. Лезвие тускло поблескивало в свете настольной лампы. Имена на металле казались почти живыми — будто кто-то когда-то написал их кровью, а потом кровь превратилась в сталь.

Ор. Сей. Торн. Лира. Вейт. Нэсс. Гран. Мира...

Жнец провёл пальцем по именам. Металл был тёплым, почти живым. Каждое имя — отдельная история, отдельная жизнь, проведённая с этим инструментом в руках.

— Интересно, — пробормотал он, — сколько ещё имён было на другой стороне?

Он перевернул резец. Там, на обратной стороне, проступали едва заметные буквы. Жнец прищурился, пытаясь разобрать их.

Бран. Вейт. Сей. Ор...

— Замкнутый круг, — прошептал он. — Имена идут по кругу. Как нити. Как знаки на косяках.

В памяти всплыли архивные записи. 37 точек. 37 мест, где держалось равновесие. Но на резце было 41 имя. Четыре точки, о которых гильдия не знала. Четыре места, где люди держали мир без записи, без признания, просто потому что не могли не держать.

Жнец открыл тетрадь. Начал писать:

«Существует ли мир, где нет записей? Где держатели не оставляют следов? Где просто стоят, просто держат, просто существуют? И мир держится не на их именах, а на их присутствии. На их молчании. На их дыхании. На их сердцебиении.

Четыре имени. Четыре человека, которых гильдия не зафиксировала. Четыре точки на карте, которых нет на карте. Но они — есть. Были. Держали. И резец — помнит. А гильдия — нет.

Может, это и есть ответ. Не на мой вопрос — на вопрос гильдии. Мир держится не на тех, кого записали. На тех, кого забыли. На тех, кто стоял без имени, без звания, без тетради. Просто — стоял. И мир — не кончался.

41 имя. 37 точек. Разница — четыре. Четыре анонимных держателя. Четыре человека, которые держали мир и не знали, что держат. Или знали — и не считали нужным записываться. Потому что запись — для гильдии. А присутствие — для мира. И мир не спрашивает имя. Мир спрашивает: „Тут?“»

Он закрыл тетрадь. Положил резец рядом. Инструмент молчал. Но в этом молчании было больше правды, чем в тысячах слов.

Ворон сидел напротив. Курил. Смотрел на резец.

— 41, — повторил он. — Я считал. Думал, ошибся. Пересчитал — 41.

— Не ошибся, — сказал Жнец. — Гильдия знает 37. Резец знает 41. Разница — те, кого не записали. Те, кто держал без архива.

— Это значит, что мир больше, чем мы думали, — сказал Ворон.

— Это значит, что мир держится не на нас, — ответил Жнец. — Мы — 37. А есть ещё четыре. Или сорок. Или четыреста. Мы не знаем. И не узнаем. Потому что они не записываются. Они — стоят.

Ворон затушил сигарету. Долго смотрел на пепел.

— Жнец, — сказал он. — А если мы — тоже анонимные? Если через сто лет кто-то найдёт резец с нашим именем и не будет знать, кто мы?

— Тогда всё правильно, — ответил Жнец. — Значит, мы — держали. И резец — помнит. И этого достаточно.

Жнец смотрел на резец. На имена. На металл, который хранил тепло рук — чужих, давних, незнакомых. И думал: вот оно — наследие. Не тетради, не архивы, не гильдия. Резец. Металл, который помнит. Дерево, которое помнит. Камень, который помнит. А имена — для тех, кто рядом. А для тех, кто далеко — гул. Вибрация. Присутствие без имени.

Он положил резец в ящик стола. Рядом с тетрадью. Рядом с кружкой с котиком. Три предмета. Три голоса. Три «я тут».

Заметка на полях

Резец — не просто инструмент. Он — память. Память о тех, кто держал мир. Память о тех, кто ушёл. Память о тех, кто придёт. Имена на лезвии — не просто имена. Это — карта присутствия. Карта тех, кто сказал «я тут» и остался. Остался не в записях гильдии, не в архивах, не в легендах. Остался в металле. В стали, которая помнит тепло рук. В стали, которая хранит имена тех, кто держал мир просто потому что не мог не держать. А четыре лишних имени — это четыре доказательства: мир больше, чем карта. Держателей больше, чем список. И пока кто-то стоит без имени, без записи, без признания — мир держится. Не на героях. На тех, кто просто — стоит. — Adam Vains

«Я пересчитал имена на резце. 41. Гильдия знает 37. Четыре — лишних. Четыре — анонимных. Четыре — тех, кого нет в архивах, нет в списках, нет в памяти гильдии. Но есть в стали. И пока сталь помнит — они есть. И пока они есть — мир стоит. Не на 37. На 41. Или на 41 000. Мы не знаем. И не узнаем. Потому что настоящий держатель не записывается. Он — стоит.»
— Из третьей тетради Жнеца

Глава 5. Марина звонит

«Синий — не цвет тревоги. Синий — цвет глубины. Когда лампочка горит синим, она не предупреждает — она зовёт.» — Из третьей тетради Жнеца, запись 12

Телефон зазвонил в одиннадцать вечера. Жнец уже лежал — не спал, а лежал, как обычно, с открытыми глазами, считая звуки: будильник, дыхание Нины, сопение Миши, ветер за окном. Четыре. Всё на месте.

Телефон. Пятый.

— Алло, — сказал Жнец тихо.

— Это Марина, — голос был ровный, но с тем напряжением, которое бывает у людей, которые звонят не потому что хотят, а потому что не могут не позвонить. — Я не разбудила?

— Нет. Что случилось?

— У меня лампочка горит.

Жнец помолчал. Марина — не Нина, не Лёша. Она не считала фонари. Она не мыла витрины. Она просто жила — открывала дверь, открывала шторы, пила чай из кружки с котиком. И этого было достаточно. Но сейчас в её голосе было что-то, чего раньше не было: не страх — удивление.

— И что?

— Она горит другим цветом. Не жёлтым. Синим. Я не меняла. Она горела жёлтым, а теперь — синим. И я... — Марина замолчала. Потом — тихо: — Я не боюсь. Но не понимаю.

Жнец встал. Нина не шевельнулась — спала. Миша не шевельнулся — спал. Трость гудела — ровно, не тревожно. Просительно.

— Я приду, — сказал Жнец.

— Зачем? — спросила Марина. — Что ты сделаешь?

— Посмотрю.

— А если она не перестанет?

— Тогда мы вместе посмотрим, — ответил Жнец. И в этом «вместе» было всё, что Марина хотела услышать: не «я исправлю», не «я знаю, что делать». Просто: ты не одна.

Он шёл по пустому ночному городу. Фонари горели. Все. Жнец стучал тростью — ровно, шестьдесят два удара в минуту. Ритм сердца. Ритм шагов. Ритм присутствия.

Марина открыла дверь. Квартира была тёмной, кроме одной точки: лампочка в коридоре. Она горела. Синим. Не холодным — тёплым, как зимнее небо на закате, когда последний свет ложится на снег.

Жнец посмотрел на лампочку. Трость в руке затихла — не загудела, не завибрировала. Затихла. Как будто тоже смотрела.

— Она не злая, — тихо сказал Жнец.

— А какой?

— Зовущий. — Жнец помолчал. — Синий — это не цвет тишины. Синий — это цвет глубины. Кто-то зовёт. Не Морос. Не Резчик. Кто-то другой.

— Кто?

— Не знаю. — Жнец снял очки. Посмотрел на лампочку без фильтра. И увидел: нить. Тонкую, синюю, тянущуюся от лампочки куда-то за стену, за дом, за город. Нить, которая не вела к смерти — вела к вопросу.

— Марина, — сказал он. — Не выключай.

— Почему?

— Потому что это не лампочка. Это фонарь. Тот, который не нужно вкручивать. Тот, который сам решает, когда гореть. И если он горит синим — значит, кто-то далеко тоже горит. И вы связаны.

Марина посмотрела на него. Потом — на лампочку. Потом — на кружку в его руках. Белую, с котиком.

— Чай? — спросила она.

— Чай, — ответил Жнец.

Они сели на кухне. Лампочка в коридоре горела синим. Чайник шумел. Жнец сделал глоток. Горячий, крепкий, чуть горьковатый. И подумал: Морос приходил с тишиной.

Резчик — с ножом. А этот — кто бы он ни был — приходит со светом. Не тёмным, не серым. Синим. Цветом глубины. Цветом вопроса.

И это было ново. И новое — пугало сильнее привычного.

Цитата автора

«Морос пришёл с тишиной. Резчик — с ножом. А третий — со светом. Синим. Не тёмным, не серым. Цветом глубины. Цветом того, кто не нападает — зовёт. И от этого — страшнее. Потому что от ножа можно защититься. От тишины — можно говорить. А от зова — можно только идти.»

— *Adam Vains, из заметок к третьей книге*

Глава 6. Миша и тень

«Тень звучит, — сказал Миша. — Как пауза. Как когда ты говоришь и замолкаешь. Тень — это замолкший человек. Только он не замолкал. Он просто не говорил. Но стоял. И это было слышно.»

— Из третьей тетради Жнеца, запись 13

Утром Миша нарисовал тень. Не свою — чужую. Тень, которая стояла у двери, пока он спал. Не внутри — снаружи. За дверью. Он видел её сквозь щель: тёмную, неподвижную, с очертаниями человека, но без человека внутри.

— Пап, — сказал Миша за завтраком, — кто стоял у двери ночью?

Жнец замер. Каша на ложке остывала.

— Ты видел?

— Нет. Нарисовал. По звуку.

— По звуку?

— Тень звучит, — объяснил Миша так, как объясняют очевидное. — Как пауза. Как когда ты говоришь и замолкаешь. Тень — это замолкший человек. Только он не замолкал. Он просто не говорил. Но стоял. И это было слышно.

Жнец посмотрел на рисунок. Тень была нарисована чёрным — не заливкой, а штрихами. Тонкими, параллельными, как нити. И внутри тени — точка. Жёлтая. Маленькая, как звезда.

— Что это? — Жнец показал на точку.

— Это не тень, — ответил Миша. — Это он. Внутри тени. Он не тёмный. Он прячется. Внутри своей тени. Как в пальто.

Жнец почувствовал, как трость в коридоре дрогнула. Не загудела. Дрогнула. Как человек, которого узнали.

— Миша, — тихо сказал Жнец. — Тебе было страшно?

— Нет. — Миша пожал плечами. — Если бы он был злой, мне было бы страшно. А мне было... интересно. Как когда находишь новый карандаш. Не знаешь, что им нарисуешь, но хочешь попробовать.

Нина слушала. Не вмешивалась. Но Жнец видел: она сжала губы. Не от страха — от сосредоточенности.

— Миша, — сказала Нина ровно. — Дорисуй. Что было за тенью.

Миша посмотрел на маму. Потом — на рисунок. Потом — взял жёлтый карандаш и нарисовал за тенью свет. Не жёлтый — белый. Белый, как бумага, только гуще. Как будто за тенью стояла стена из света.

— Он стоит перед светом, — сказал Миша. — Не закрывает его. Стоит. Как занавеска. Не плотная. Полупрозрачная. Свет проходит. Но другой. Не такой, какой был. Какой-то... синий.

Жнец и Нина переглянулись. Синий. Маринина лампочка. И теперь — тень у двери, за которой свет, прошедший через неё, становится синим.

Что-то начиналось. Не то, что было с Моросом — то было тишиной. Не то, что было с Резчиком — то было ножом. Это было другим. Светом, который проходит через кого-то и меняет цвет.

Заметка на полях

Миша — семилетний ребёнок. Он не знает, что такое трещины, нити, гильдии, баланс. Он знает: тень звучит. Тень — это замолкший человек. Внутри тени — свет. Свет проходит через тень и становится синим. Это не детская фантазия. Это — точное описание того, что происходит в мире. Кто-то стоит между светом и нами. Не закрывает — пропускает.

Но пропущенный свет меняется. И мы видим не то, что есть, а то, что прошло через кого-то. Вопрос: через кого? — Adam Vains

«Мой сын рисует то, что я не вижу. Не потому что слеп — потому что смотрю не туда. Он смотрит на отношения. Я — на нити. Он видит, как свет проходит через тень. Я — как нить тянется от точки к точке. Мы смотрим на один мир разными глазами. И его взгляд — точнее. Потому что мир держится не на нитях.

На отношениях.»

— Из третьей тетради Жнеца, запись 14

Глава 7. Александр моет окно

«Витрина — это граница между городом и магазином. Между тем, что видно, и тем, что скрыто. Александр моет её каждый вечер, чтобы граница была чистой.

Чтобы мир видел, что внутри — всё нормально.»

— Из третьей тетради Жнеца, запись 15

Александр открыл магазин в шесть сорок пять. Солнце только-только поднялось над крышами, и его лучи падали на витрину, делая пыль видимой. Александр достал тряпку, пульверизатор, раствор.

Он всегда начинал с угла. Правый верхний угол — там, где фонарь освещал витрину ночью. Там, где капли дождя оставляли следы. Там, где пыль собиралась особенно густо.

Трость стояла у прилавка. Жнец приходил каждый день в семь. Ровно. Александр знал: если Жнец не пришёл к семи — что-то случилось. Если пришёл — всё нормально.

Он распылил раствор. Протёр стекло. Посмотрел сквозь него. Улица была серой. Фонари горели. Люди шли. Ничего не изменилось. И всё изменилось.

Александр помнил тот день, когда Жнец впервые пришёл в его магазин. Помнил, как трость гудела. Как Жнец пил чай из кружки с котиком. Как они вместе считали фонари.

Александр не знал, зачем — просто считал. Тридцать семь. Тридцать восемь. Тридцать девять.

Витрина была чистой. Александр отступил. Посмотрел. Ничего не изменилось. И всё изменилось.

В семь пришёл Жнец. Как всегда. С тростью. С кружкой. С вопросом в глазах, который он не задавал.

— Доброе утро, — сказал Александр.

— Доброе, — ответил Жнец. — Как витрина?

— Чиста, — Александр кивнул на стекло. — Всё видно.

Жнец посмотрел. Улица была серой. Фонари горели. Люди шли. Ничего не изменилось. И всё изменилось.

— Нормально, — сказал Жнец. И в этом слове было всё: и тревога, и надежда, и усталость.

Заметка на полях

Александр — не второстепенный персонаж. Он — часть системы. Его витрина — граница между городом и магазином. Его привычка мыть стекло — способ держать мир. Он не знает, что держит. Он просто моет. И этого достаточно. Потому что мир держится не на тех, кто знает. На тех, кто делает. — Adam Vains

Глава 8. Лёша находит новый фонарь

«Каждый фонарь — это точка на карте. Каждый номер — это обещание. Каждый жёлтый кружок — это знак: «Я тут».» — Из третьей тетради Жнеца, запись 16

Лёша шёл в школу и считал. Не фонари — их он уже знал наизусть. Триста двадцать семь фонарей от дома до школы. Каждый с номером. Каждый с историей.

№105 — моргал три раза в минуту.

№217 — гас на секунду, когда шёл дождь. №302 — светил ярче других.

Но сегодня что-то было не так. Фонари не моргали. Горели ровно. Как нарисованные.

Лёша достал новую тетрадь. Открыл чистую страницу. Взял карандаш.

№328. Новый фонарь. Появился вчера. Лёша не заметил. Не потому что не смотрел — потому что фонарь не моргал. Не дышал. Просто горел.

Лёша нарисовал жёлтый кружок. Поставил номер. Прочертил линию к ближайшему знакомому фонарю.

№328 не вписывался. Стоял в стороне. Горел ровно. Не жил.

Лёша закрыл тетрадь. Пошёл дальше. К школе. К урокам. К тому, что не мог объяснить словами.

Врезка от автора

Лёша — хранитель фонарного баланса. Он не знает терминов. Он просто считает. Его тетради — это карты живого города. Каждый номер — это пульс. Каждый кружок — это сердцебиение. Когда фонари перестают моргать — Лёша замечает первым. Потому что он слушает город не ушами — тетрадями. — Adam Vains

Глава 9. Нина знает

«Нина не говорит много. Она делает. И в её действиях — большие правды, чем в тысячах слов.»

— Из третьей тетради Жнеца, запись 17

Нина знала. Не потому что Жнец сказал — потому что он молчал. Она видела: он сидел на кухне после ужина, держал кружку, не пил. Чай остывал. Котик на кружке смотрел одним усом. Второй — стёрся на прошлой неделе. Нина помыла кружку вручную, мягкой губкой, и второй ус не выдержал. Она сказала: «Я куплю новую». Жнец сказал: «Нет». И больше — ни слова.

Нина знала: он уезжает. Не потому что сказал — потому что собирался. По-другому. Не чемоданом, не билетом. Собирался внутренне. Как человек, который стоит на остановке и ещё не поднял руку, но уже знает, какой автобус ему нужен.

Она мыла посуду. Тарелки — стопкой. Вилки — в подставку. Кружку Жнеца — отдельно, на сушилку, вверх дном. Привычка. Ритуал. Звук, от которого дом был домом.

— Мне нужно уехать, — сказал Жнец.

Нина не вздрогнула. Кивнула. Короткий, тёплый кивок. Как прикосновение к плечу, когда не нужно слов.

— Надолго?

— Не знаю. Трость ведёт. Ворон сказал — есть место. Деревня. Приречная. На краю леса, у реки. Там трещина. И камень, который держит. И люди, которые держат голосом. Не как мы — по-другому.

— Ты нужен им?

— Не знаю. Может, они нужны мне.

Нина выключила воду. Вытерла руки полотенцем — тем самым, с подсолнухами, которое Миша выбрал в магазине два года назад. Подсолнухи выцвели от стирок, но держались. Как ус у котика. Как фонарь. Как нить.

Она подошла к нему. Положила ладонь на его ладонь — ту, что держала кружку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.